

Понятно, что этот круг представлял очень много интереса для меня, вчерашнего студента, уже начавшего «литературные изучения»; бывало много неизвестных мне раньше любопытных людей, сообщались литературные и общественные новости — между прочим в это время готовился, а потом и совершился столетний юбилей Московского университета, еще небывалое до тех пор научно-литературное торжество; происходил финал Крымской войны.

А.Н. Пытин

КРУЖОК РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОКА»*

Совсем иного характера был кружок «Современника». Там не было «журфикса», на который могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа. Сходилась только определенный, ближайший кружок, который, обыкновенно, и соединялся в одном общем разговоре... В первый раз, когда я видел Некрасова, он жил в доме, еще недавно сохранявшемся в том же виде на углу Загородного проспекта и Звенигородской улицы. Здесь у него я встретил в первый раз И.С. Тургенева.

При этом первом знакомстве с кружком редакции «Современника» я уже достаточно знал принадлежавших к нему лиц по их литературным трудам и репутации, — уже вперед этот кружок имел для меня самый живой интерес. Действительно, здесь собрались самые лучшие силы тогдашней литературы — притом не в случайной встрече по журнальным делам (как это бывало в редакции «Отечественных Записок»), а в сознательном единении, которое внушалось общими литературными взглядами и задачами, средством художе-

---

* *А.Н. Пытин*. «Н.А. Некрасов». СПб., 1905, С. 8—21.

ственного вкуса и взаимной оценкой, — и это единение переходило в дружеские отношения; многих, как, например, *Тургенева, Григоровича, Ашеникова, Боткина*, связывало дружество еще со времен Белинского. В литературном отношении «Современник», без сомнения, был лучшим журналом того времени. Здесь начались и продолжались «Записки охотника» Тургенева, оставшиеся самым замечательным его произведением; помещались повести Григоровича (другие, второстепенные вещи, как «Проселочные дороги» и т. п., помещались в «Отечественных Записках»); здесь появлялись произведения *Гончарова, Дружинина*, художественно-критические статьи *В. Боткина*; в дружеских отношениях с редакцией был *Н. В. Ашеников*; далее *Евг. П. Ковалевский, В. П. Гаевский*, братья *Жемчужниковы* и т. д. Нет сомнения, что писатель, которого можно было справедливо назвать писателем-художником, должен был гораздо больше тяготеть к редакции «Современника», чем к «Отечественным Запискам». В последних для такого писателя был только один материальный вопрос — вопрос напечатания повести, романа и т. д. и гонорар; здесь, напротив, он мог быть уверен в интересе целого кружка к самому произведению, его художественному значению и общественному смыслу; в случае успеха, он мог ожидать искреннего сочувствия, а также и критики, внушаемой опытным вкусом, — того и другого всегда жаждет писатель-художник, серьезно относящийся к своему труду. Эти отношения чувствовались и впоследствии, когда я ближе видал редакцию «Современника» и убеждался, что это было действительно так.

Кроме названных лиц, здесь встречались и другие известные писатели того времени: бывали *Писемский, Я. П. Полонский*; ни тот, ни другой не были, сколько припоминаю, частыми посетителями; позднее, едва ли

не после известных статей Добролюбова, бывал *А.Н. Островский*.

Характеры лиц были довольно разнообразны; но в целом это был, без сомнения, лучший литературный круг того времени. В самом деле, в этом кругу в известной степени чувствовалось превосходство над обычной массой тогдашней литературы. И это не было лишено основания: за этим кругом стояло славное предание Белинского и сороковых годов; высокая степень дарований, литературного вкуса и опыта. К этому чувству превосходства присоединилось, вероятно, и некоторое, уже не зависевшее от литературы, барство. Кружок мог напоминать слова г-жи Сталь, что в России несколько «gentilshommes» занимаются литературой*.

Большую частью это были люди именно дворянского круга, с еще привычными тогда его чертами; последние принимались и другими, у которых дворянское барство заменялось барством купеческим, как, например, у В.П. Боткина.

Самым сильным по таланту и самым крупным по литературному значению (до Л.Н. Толстого) в этом кругу был, несомненно, Тургенев; по уму и общественному пониманию едва ли не превосходил всех Некрасов. Тургенев в кружке Некрасова был интересный собеседник, между прочим, по обширному знанию европейской литературы. Здесь вровень с ним стоял А.В. Дружинин, который, впрочем, особенно увлекался тогда и после «британской» литературой. Бывший гвардейский офицер, кажется, довольно богатый человек, Дружинин держал себя английским джентльме-

---

* [Дальше увидим, что Фет, отчасти примыкавший к этому кругу, с некоторой гордостью утверждал, что тогдашняя литература была «дворянская» — он скорбел, что потом в эту литературу вошли «разночинцы», а из прежних деятелей многие изменили дворянским интересам» (во время освобождения крестьян).]

ном, строго корректным во внешности и манерах; при всей этой немного искусственной и, по-английски, холодной манере, он был очень хороший человек, — недаром из «британской» словесности он вычитал идею литературного фонда и был инициатором нашего учреждения этого имени. Боткин только по временам жил в Петербурге и тогда бывал частым посетителем Некрасова. Когда мы видели его здесь, время дружбы с Белинским давно миновало; характер немало изменился в сторону деловых интересов и приемов; он был тогда главным руководителем богатой фирмы. По-видимому, издавна принадлежала ему свойственная его практической деятельности сухость; он не был приветлив; из молодого поколения он, кажется, не сблизился ни с кем; в особенности он считал себя судьей в деле художественной критики, и немалая опытность у него, несомненно, была. Со старыми друзьями, как Некрасов, Тургенев, у него были короткие отношения. Появлялся в кружке и П.В. Анненков, когда еще ожидался выход в свет издания Пушкина. Бывал Писемский — это был уже авторитетный писатель, несомненно, талантливый, по-своему умный; он не привлекал к себе; его провинциально-грубая манера, не весьма изящный костромской говор, который выдавался очень резко, как будто предвещали, что здесь он не в своем кругу. И действительно, когда впоследствии он стал одним из руководителей «Библиотеки для чтения»*, там его фельетоны, под грубым, даже несколько бессмысленным псевдонимом** (трудно понять, почему выбранным), проводили какую-то нелепо консервативную тенденцию.

Пятидесятые годы, именно их середина, были знаменательным временем в целой новейшей русской ис-

* [После Дружинина.]

** Никита Безрылов.

тории, временем кризиса в жизни государства и великого перелома в умах общества и даже народа. То был канун и вскоре начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. Под гнетом цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать в какой-либо степени не то что органом, но хотя бы слабым отголоском общественного мнения. Это было то время, когда по внушениям «негласного комитета», который был настоящим пугалом литературы и самой цензуры, распространились особенная боязнь печатного слова и преследование всякого намека на критическую мысль. Гроза была неотвратимая, и с нею нужно было считаться, чтобы сохранить существование журнала. Одного специального цензурного учреждения казалось мало: каждое министерство или крупное ведомство имело особых цензоров из своих чиновников, которые должны были просматривать или целые статьи, или отдельные места, где речь касалась их компетенции. Обыкновенный цензор отмечал в посылаемых ему корректурах, что статья или отчеркнутое место должны были быть направлены к особому цензору того или другого ведомства. Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобных цензур. Понятно, что такое положение вещей не представляло для редактора журнала ни удобства, ни удовольствия: во всяком случае это была неприятная проволочка, которой старались избегать. К счастью, специальным цензором «Современника» был тогда В.Н. Бекетов, человек более или менее простой, довольно благодушный и благожелательный. Конечно, сам находясь под ферулой, он не мог уступать и не уступал своих цензорских обязанностей, но, по крайней мере, он не был мелочен и не прибавлял к обязанностям официальным личной придирчивости и каприза. Я много раз встречал его за обедами или ужинами Некрасова. Настроение литературно-

го круга, который я видел здесь и в некоторых иных кружках, было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроение подавленное; трудно было говорить в литературе даже то, что говорилось еще недавно, в конце сороковых годов. По распоряжениям негласного комитета даже отбирались некоторые книги прежнего времени, напр., «Отечественные Записки» сороковых годов; славянофилам просто запрещали писать или представлять в цензуру какие-нибудь свои статьи; оставались возможны только темные намеки или молчание. В кругу «Современника» передавались текущие новости разного рода, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатейливая приятельская болтовня, какая издавна господствовала в холостой компании тогдашнего барского сословия, — а эта компания была и холостая и барская. Нередко она попадала на темы совсем скользкие. В это время Дружинин писал в «Современнике» целые шутовские фельетоны под заглавием «Путешествие Ивана Черно-книжникова по петербургским дачам» — для развлечения читателя, да и собственного. В это время создавались творения знаменитого Козьмы Пруткова, которые также печатались в «Современнике», в особом отделе журнала, и в редакции «Современника» я в первый раз познакомился с одним из главных представителей этого сборного символического псевдонима, Владимиром Жемчужниковым. В то же время, когда писались творения Козьмы Пруткова, приятельская компания, которую он собою представлял, отчасти аристократическая, проделывала в Петербурге различные практические шутовства, о которых, если не ошибаюсь, было говорено в литературе по поводу Козьмы Пруткова. Это не были только простые шалости беззаботных и балованных молодых людей; вместе с тем, бывало здесь частью инстинктивное, частью со-

знательное желание посмеяться в удушливой атмосфере времени. Самые творения Козьмы Пруtkова как бы хотели быть образчиком серьезной, даже глубокомысленной, а также скромной и благонамеренной литературы, которая ничем не нарушила бы строгих требований «негласного комитета». Знаменитая пьеса «Фантазия» должна была представлять просто скромную шутку, без признака какой-нибудь тенденции; но и «Фантазия» и мудрые афоризмы Козьмы Пруtkова, исторические анекдоты, басни и пр., — все это было сплошное шутовство, где, однако, при некотором внимании мелькала какая-то неопределенная насмешка: в литературу введен был писатель, который, очевидно, был карикатурой, — тупоумный или одурелый чиновник, который считал себя и мудрым и благонамеренным. По странной случайности, около этого времени заехал в Петербург мелкий провинциальный чиновник хлопотать о своих делах. Это был некто Афанасий Анаевский, известный тогда в литературе так же, как во времена Пушкина известен был Александр Анфимович Орлов — автор целого ряда небольших книжек, совсем серьезных по намерению автора, но чудовищных по своей нелепости, — как бы прототип Козьмы Пруtkова; книжки носили, например, такие названия: «Энхиоридон любознательный», «Жезл», «Экзалтацион и девять муз», «Мальчик, игравший в садах Тригуляя» и т. п.

Такое тяжелое положение угнетало не только литературу, но и все серьезное общество, — при наступавших событиях нельзя было отдохнуть одною шуткою, прикрытою насмешкою над самой цензурой, и в конце концов протест против этого подавления общественной мысли высказался в особой рукописной литературе, уже не считавшей нужным искать дозволения цензуры. В канун и в течение Крымской войны эта руко-

писная литература обильно разрослась и распространилась в списках, ходивших по рукам и с жадностью прочитываемых. В большинстве случаев это были весьма серьезные «записки», трактовавшие о тех вопросах, какие в тревожную пору грозившей войны волновали общество и для которых не было места в обыкновенной литературе... «Записки» говорили об общем политическом положении вещей, о массе внутренних неурядиц — испорченности и подкупности администрации и суда, о бессилии правительственной власти искоренить злоупотребления при господстве официальной лжи («все обстоит благополучно») и при вынужденном молчании общественного мнения, усиленно подавляемого. Кроме записок по общему вопросу нашей внутренней жизни, были специальные записки, напр., о состоянии суда, администрации (были даже целые большие сочинения), о невозможных абсурдах цензуры и т. д. Наконец, ходили по рукам стихотворения, вызванные войной или чисто патриотические («Вот в воинственном азарте — воевода Пальмерстон»), или такие, где патриотизм выражался протестом против домашних неурядиц и испорченности (стихотворение Хомякова — «Раскаявшейся России»; или известное тогда стихотворение неназванного автора — «Меня поставил Бог над русскою землею»...*

Многое из этой рукописной литературы издано было потом за границей в «Голосах из России». Авторы, конечно, предпочитали умалчивать свои имена; но известно было, что одна из самых значительных записок принадлежала Грановскому; многое написано было Погодиным; были работы Ив. Аксакова... Теперь многое из потаенной литературы стало более или менее известно; целые трактаты посвящены изображению цензуры николаевских времен; издано многое из перепис-

* Стихотворение это принадлежало П. Лаврову.

ки того времени, — и вот, например, подобранные недавно г. Барсуковым из того времени слова знаменитого историка, писателя, отличительной чертой которого было мудрое спокойствие мысли: «Приходилось, — писал С.М. Соловьев в эпоху Крымской войны, — расплатиться... за полную остановку именно того, что нужно было более всего поощрять, чего, к несчастью, так мало приготовила наша история, именно самостоятельного и общего действия, без которого самодержец, самый гениальный и благонамеренный, остается беспомощным, встречает страшные затруднения в осуществлении своих добрых намерений. Некоторые утешали себя так: — тяжко! всем жертвуется для материальной силы; но по крайней мере мы сильны, Россия занимает важное место, нас уважают и боятся. — И это утешение было отнято, в доказательство, что дух есть иже живит, плоть — ничто же пользует, в доказательство гибельности материализма, в доказательство того, что сила и материя — не одно и то же»*.

Мы сделали это отступление, чтобы напомнить настроение общества в половине пятидесятых годов, в эпоху Крымской войны, и дать понятие, в какие условия поставлена была деятельность журнала, если бы он не хотел остаться чуждым настроениям и исканиям общества.

В тяжелых условиях времени для журнала, который в конце сороковых годов начат был деятельностью Белинского, невозможно было думать о непосредственном продолжении начатого Белинским. На ту минуту не было и людей, которые были способны к юношескому энтузиазму Белинского. Но так или иначе, завет Белинского не иссяк совсем. Высоко ставилось дело лите-

---

* Барсуков. Жизнь и труды Погодина, XIII, с. 20. В этой же книге г. Барсукова сообщены любопытные сведения о политических записках Погодина, ходивших по рукам в эпоху Крымской войны.

ратуры; с делом литературы само собою соединялось (у более серьезных людей) и предполагалось известное нравственное достоинство и общественная обязанность. В журнале соединились лучшие литературные силы; к нему примыкали и несколько замечательных людей другой области — ученые и публицисты. В первое время журнала в нем работал Кавелин; присылали свои труды С.М. Соловьев, А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин; много поработал Владимир Милютин; одно время усердным сотрудником был Ушинский и т. д. В 1853 году к блестящей плеяде Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя или, на первое время, три буквы, которые тотчас привлекли всеобщее внимание, — эти буквы были Л. Н. Т. «Детство», «Отрочество», «Юность» и вскоре затем «Севастопольские рассказы» поставили гр. Л.Н. Толстого в первом ряду русских писателей. О нем самом пока знали только по слухам и в первый раз в литературных кругах увидели его в 1856 году, когда после севастопольской осады он приехал в Петербург; его приняли с распростертыми объятиями...

В этом характере журнала и в этом составе редакции вступил в «Современник» Н.Г. Чернышевский и года через два потом Добролюбов. Положение вещей было таково. На первый раз вступление Н.Г. Чернышевского в редакцию не произвело на членов кружка особенного впечатления, но уже вскоре, при всем согласии основных стремлений к успехам литературы, оказалась весьма существенная разница в понимании ее общественного значения. Различие этих оттенков восходило к различию понятий теоретических и общественно-исторических.

А.Н. Пытин